

УДК 371 DOI – [https://doi.org/10.52422/0130-6928-2022-1\(1490\)-193-208](https://doi.org/10.52422/0130-6928-2022-1(1490)-193-208)

А.С. МАКАРЕНКО – УЧИТЕЛЬ дореволюционной начальной школы

Светлана Сергеевна Невская,
*ведущий научный сотрудник Института стратегии
развития образования Российской академии
образования (РАО), доктор педагогических наук,
доцент, Москва, nevskajasweta@yandex.ru*

*Посвящается памяти
Алексея Михайловича Кушнера*

В статье рассматривается проблема дошкольного (семейного) и школьного умственного, нравственного и трудового воспитания. На примере дореволюционной жизни Антона Семёновича Макаренко раскрываются такие важные проблемы, как отношения в семье между родителями и детьми, детская дружба со сверстниками, педагогическое мастерство учителей дореволюционной школы, интеллектуальное и нравственное взросление юного человека.

- развитие творческих способностей и трудовых навыков в семье и начальной школе
- личность учителя дореволюционной школы
- отношения детей и взрослых в семье и школе

Часть I. Роль семьи и школы в становлении личности А.С. Макаренко

Вступление

Имя А.С. Макаренко (1888–1939) привлекало и привлекает сегодня повышенное внимание отечествен-

ной и зарубежной общественности. Международным педагогическим сообществом признаётся, что педагогическая система педагога включает многие принципиальные проблемы воспитания и обучения: цели, принципы, методы,

индивидуальный подход к учащимся, становление ученического актива, коллективно-го самоуправления и т.д.

Сегодня стало модным находить общие черты педагогики прагматика Дьюи и Макаренко. Однако ещё в 1966 г. в курсе лекций по педагогике находим такую версию: «Представители... буржуазного направления в дидактике — прагматисты во главе с Д. Дьюи — считают, что обучение является процессом непрерывного расширения и углубления личного, именно только личного, опыта ребёнка. “Реконструкция личного опыта” ребёнка, чтобы он мог приспособиться к существующему общественному строю, — вот задача обучения. Идеалом такого обучения становится преуспевающий приспособленец, для которого главное в учении — “научиться жить”, а в жизни — удовлетворение сугубо индивидуальных, эгоистических интересов. Исходя из своей основной посылки “среда воспитывает, а жизнь учит”, Дьюи не признаёт специфики школы и отрицает необходимость системы знаний и руководящей роли учителя. Отказавшись от систематических знаний в школе, Дьюи выдвинул тезис: “Обучение через действие”. Труд является основным источником получения детьми знаний. Учитель — пассивный наблюдатель и консультант. Современные прагматисты также ограничивают процесс сознания узкими рамками опыта личности и потому учение рассматривается как процесс интимный, сугубо индивидуальный (Рутги)»¹.

Однако у Макаренко были совершенно иные мысли. Во-первых, педагог никогда не отказывался от систематических знаний, высоко ценил дидактические работы дореволюционных авторов. Во-вторых, он не отказывался от ведущей роли педагога — мастера в деле воспитания и преподавания предметов. Учитель не был пассивным наблюдателем, а наравне

со своими питомцами «творил творческий и радостный сегодняшний и завтрашний день», помогал не только развивать способности ребёнка, но и проектировать его профессиональное будущее. В-третьих, Макаренко не рассматривал учение «как процесс интимный, сугубо индивидуальный». Сила воспитательного воздействия на ребёнка заключается в слаженности единого педагогического и детского коллектива, работа которого подчиняется понятным всем воспитательным целям.

В 1990-е гг. была создана международная макаренковская ассоциация, появились международные макаренковедческие исследования. Так, профессор университета в Будапеште П. Рокушфалви в 1989 г. написал книгу «Макаренко и школа сегодня» (издана в 1991 г.). В 1994 г. на русском языке была опубликована его статья «Человеческие основы педагогической технологии (Психологическое и антропологическое обоснование педагогики)», в которой профессор признавался, что в последние месяцы «вновь взялся за труды Макаренко, а также за статьи о нём, дающие оценку его деятельности или критикующие его». «Мне было интересно знать, — пояснил П. Рокушфалви, — в чём секрет его жизнедеятельности и почему почти полвека спустя после его смерти вокруг него всё ещё продолжается острый, накаляющий страсти спор»².

Думается, читателю также важно знать, в чём секрет такой популярности А.С. Макаренко. Но главная задача — глубоко проникнуть в педагогическую систему выдающегося педагога и выделить те главные идеи этой системы, которые востребованы сегодня. О коллективном самоуправлении, о трудовом воспитании

¹ Педагогика. Курс лекций // Под общ. ред. Г.И. Щукиной (отв. ред.), Е.Я. Голанта, К.Д. Радиной. — М.: Просвещение, 1966. — С. 121.

² Рокушфалви П. Человеческие основы педагогической технологии Макаренко (психологическое и антропологическое обоснование педагогики) // Международные макаренковедческие исследования. Макаренко на Востоке и Западе / Под ред. З. Вайтца (Марбург, Германия) и А. Фролов (Н. Новгород, Россия). — Т. III. — 1994. — С. 9.

в практике Макаренко много написано самим Антоном Семёновичем и исследователями его педагогического творчества, но мало уделено внимания преподаванию в школе. Много ценных идей можно найти в трудах педагога. Так, Антон Семёнович категорически отрицал практику обособленного учителя-одиночки, хотя бы и талантливого. Педагог считал, что только в едином педагогическом коллективе формируется личность и педагогическое мастерство молодого учителя. Он писал: «Там, где нет полного единства всех педагогов школы между собой, там, где нет помощи друг другу и большой требовательности друг к другу, там, где нет умения говорить своему товарищу неприятные вещи и не обижаться, если тебе говорят неприятные вещи, там, где нет умения приказывать товарищу (а это тоже умение) и подчиняться товарищу (а это ещё более трудно), там нет и не может быть педагогического коллектива»³.

Специальность учителя — быть мастером своего дела, причём, по твёрдому убеждению Макаренко, мастером может сделаться каждый, если ему помогут и если он сам будет работать. Необходимо обратить внимание на эту позицию А.С. Макаренко по отношению к учителю. Развитие и совершенствование профессиональных качеств учителя младших классов — чрезвычайно важная проблема.

Сказанное выше заставляет задуматься над вопросом: как, какими путями воспитывать молодое поколение современной России, когда само понятие «воспитание» ушло из нашей жизни, из общеобразовательной школы? Какие идеи А.С. Макаренко актуальны сегодня в работе с учащимися начальных классов? Как продуктивно осуществлять повышение профессионального уровня педагогов, осуществляющих начальное образование школьников?

Анализ дореволюционного опыта работы А.С. Макаренко как учителя начальных классов, обращение к его детству и дальнейшему взрослению, возможно, поможет ответить на поставленные выше проблемные вопросы, а также подскажет молодому учителю путь к овладению педагогическим мастерством.

³ Макаренко А.С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. — Т. 4. — М.: Педагогика, 1983–1986. — С. 293.

1. «Всё начинается с семьи»

Первую главу «Книги для родителей» А.С. Макаренко открывает словами: «Может быть, книга эта дерзость? Воспитывая детей, нынешние родители воспитывают будущую историю нашей страны, и значит, и историю мира. Могу ли я на свои плечи поднять величественную тяжесть такой необъятной темы? <...> Помочь родителям оглянуться, задуматься, открыть глаза — скромная задача этой книги»⁴.

Педагог утверждает, что воспитание ребёнка начинается с момента его рождения в семье, что дошкольное детство влияет на всю его дальнейшую жизнь.

А какое воспитание Антону Макаренко дала семья? Попробуем ответить на этот вопрос.

Правда о родительской семье и дореволюционном детстве Антона Семёновича Макаренко стала известна благодаря сотрудникам марбургской лаборатории «Макаренко-реферат». С осени 1969 г. они успешно провели «авантюрную» операцию по поиску родного брата Антона Семёновича Макаренко — «белогвардейца» Виталия, который в то время проживал в государственном доме престарелых в Иере (Франция). Виталий Семёнович жил за счёт социального обеспечения, так как его небольшое состояние давно было растрчено в Монте-Карло.

Итак, с лета 1970 г. началась тринадцатилетняя эпопея сотрудничества немецких учёных с Виталием Семёновичем Макаренко. Первый визит марбуржцев в Иер к Виталию Семёновичу состоялся в 1970 г. Затем последовал приём В.С. Макаренко в Марбургском университете (июль 1971 г., сентябрь 1972 г.). Сохранилась обширная пере-

⁴ Макаренко А.С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. — Т. 5. — М.: Педагогика, 1983–1986. — С. 8.

писка и публикация воспоминаний (мемуаров) Виталия Семёновича. В 1971 г. вышла первая публикация воспоминаний на немецком языке, в 1977 г. отдельным изданием — на итальянском языке.

На русском языке отдельная книга воспоминаний В.С. Макаренко вышла только в 1997 г. Книга произвела переворот в сознании многих отечественных макаренковедов, которые, оказывается, долгие годы сочиняли о детстве и юности Макаренко невероятные небылицы.

Возможно, эта статья поможет читателю впервые открыть для себя некоторые яркие страницы детства и юности великого педагога, раскрыть для себя масштаб личности и педагогического мастерства А.С. Макаренко.

* * *

Родился Антон Семёнович в семье маляра железнодорожных мастерских Семёна Григорьевича Макаренко в Белополье. В.С. Макаренко в своих мемуарах уточняет, что семья «поселилась не в самом городе, а в так называемом “посёлке”, который постепенно образовался вокруг железнодорожной станции, населённом главным образом железнодорожными служащими. Здесь находились мастерские, где работал отец, и здесь же находилось 2-х классное железнодорожное училище, где учился Антон Семёнович. Сам же город находился в 2,5–3 км от посёлка»⁵.

Город Белополье находится на границе Украины в центральной черноземной области России на невысоком плато у рек Криги и Виры. За реками простирались великолепные синие дали. Обилие зелени на окраине города, бескрайние поля, пологие холмы, перелески и, конечно, простор необъятного бездонного неба — всё это навсегда осталось в памяти и в ощущениях

⁵ На разных берегах... Судьба братьев Макаренко // Сост. и коммент. Г. Хиллига. — М.: Издательский центр «Витязь», 1998. — С. 9–10.

Антон Семёновича. В этих местах прошли его первые 13 лет жизни.

А теперь обратимся к тем страницам воспоминаний В.С. Макаренко, в которых содержатся редкие сведения о родословной родителей.

«Если бы я захотел создать галерею моих предков, — писал Виталий Семёнович, — в ней оказалось бы только два портрета — моего отца и моей матери. Дальше этого я уже ничего не знаю — ни о каких дедах и прадедах, бабках, прабабках, прапрабабках и т.д. Предки у нас, конечно, тоже были, но надо полагать, что всё это были маленькие, незаметные люди, не имевшие ни желаний, ни традиций, ни, главное, материальной возможности оставлять в назидание потомству свои портреты.

Отец моего отца, которого звали Григорий, наверное, тоже был мастеровым: во всех официальных документах, паспортах, метрических выписках и пр. в графе “Звание” было везде представлено: “Цеховой города Харькова” (было такое сословие — цеховые). Кто была его мать — моя бабка — я ничего не знаю. <...> На все наши расспросы отец отзывался неохотно: “Нечего мне вам рассказывать. Хлебнул я горя немало, и вспоминать об этом мне прямо тяжело. Да и к чему?” Мы не знали также, был ли он единственным сыном в семье, что маловероятно, но, с другой стороны, он никогда не упоминал о своих братьях и сёстрах. Всё это осталось для нас тайной. Это печальное детство наложило на характер отца свою печать — он всегда был немного замкнутым, скорее молчаливым, с небольшим налётом грусти»⁶.

По свидетельству Виталия Семёновича, отец был человеком грамотным, свободно читал и писал. «Он постоянно выписывал газету и журнал “Нива”, которые всегда прочитывал. Приложения к этому иллюст-

⁶ Там же, с. 24.

рированному журналу были все переплетены и находились в полном порядке. Здесь были полные собрания сочинений А. Чехова, Данилевского, Короленко, Куприна, а из иностранных писателей помню Бьёрнстерне Бьёрнсона, С. Лагерлёф, Мопассана, Сервантеса и др.»⁷ Антона отец научил читать в 5 лет.

О родительской семье матери Виталий Семёнович рассказывает более подробно. «Мать происходила из дворян, но из обедневшей дворянской семьи». Отец Татьяны Михайловны, Михаил Дергачев, «служил небольшим чиновником в Крюковском интендантстве и имел в Крюкове довольно приличный дом». «У мамы было две сестры и два брата»⁸. Сестра Татьяны Михайловны тётя Поля «была крёстной матерью Антона». Эта была совершенно особенная женщина — «настоящий мужчина в юбке. Стриженная по-мужски, курившая толстенные папиросы-самокрутки, в пенсне, совершенно сухая и неженственная...»⁹ Возможно, на своего крёстного сына Антона она имела какое-то влияние, ведь курить он начал в 14 лет.

Но вернёмся к родителям Антона и Виталия Макаренко.

Виталий Семёнович сообщает: «Отец несколько лет проработал в Крюкове, где уже существовали какие-то небольшие мастерские для починки вагонов. Здесь отец познакомился с мамой и женился в 1875 г. <...> Я думаю, что первым ребёнком в нашей семье была Серафима, умершая в младенческом возрасте. Во всяком случае, сестра Саша (Александра), родившаяся в 1881 г., появилась на свет ещё в Крюкове»¹⁰.

Однако Виталий Семёнович ошибается, так как «Выпись» из метрической книги подтверждает, что Александра Семёновна родилась раньше — 13 апреля 1878 г.¹¹

⁷ На разных берегах... Судьба братьев Макаренко // Сост. и коммент. Г. Хиллига. — М.: Издательский центр «Витязь», 1998. — С. 24–25.

⁸ Там же.

⁹ Там же, с. 27.

¹⁰ Там же, с. 9.

¹¹ РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 1094.

По словам Виталия Семёновича, семья переехала в Белопожье «приблизительно в 1881–1885 гг., где родились: Антон в 1888 г., Наталья в 1891 и я, последний, в 1895»¹². В посёлке снимали небольшую квартиру «у какого-то гражданина Мухи», где и родился Антон Семёнович. Затем жили несколько месяцев у Скальского. Здесь «было целое царство. Сразу же за обширным двором, поросшим мелкой травкой — в одну сторону начинались, насколько глаз хватает, хлебные поля, а в другую — дремучий дубовый лес, где мы собирали жёлуди и грибы»¹³.

Последнюю квартиру семья снимала у зажиточного Авраменко, где детям жить было особенно интересно: у хозяйки «был большой сад, были лошади и коровы и много всяких птиц на птичьем дворе, в доме в клетках щеглы, канарейки, чижи, были голуби. Кроме того, была коза, был ручной ёжик, не говоря уже про собак и кошек. Для ребёнка здесь был целый Мир»¹⁴.

Но, отмечает Виталий Семёнович, Антона он «почти никогда не видел на дворе». И добавляет: «В играх той банды ребят, к которой принадлежал и я (от 4 до 10 лет), он никогда участия не принимал. Если для нас жизнь раскрывалась как чудесное видение, полное всяких волшебных радостей, ощущения силы, здоровья, ожидания завтрашнего дня и осуществления наших самых невероятных предприятий, то для Антона его младенческие и детские годы представляли почти непрерывную цепь физических страданий. Всё это не было опасно для жизни, но до ужаса мучительно»¹⁵.

¹² На разных берегах... Судьба братьев Макаренко // Сост. и коммент. Г. Хиллига. — М.: Издательский центр «Витязь», 1998. — С. 9.

¹³ Там же, с. 10, 12–13.

¹⁴ Там же, с. 13.

¹⁵ Там же, с. 11.

Почему? Ответ прост, Антон, или Тося, как звали его в семье (правда, кроме отца, который называл его «Антон»), был с рождения болезненным ребёнком.

Виталий Семёнович писал, что родился Тося раньше срока. Это был хрупкий малыш, страдающий от бесконечных ангин и флюсов, карбункулов на шее, ячменя на глазах, от боли в ушах. И ещё одна беда — у Антона было больное сердце (досталось по наследству по линии матери). Ходить он начал только после 18 месяцев, но зато очень рано начал говорить.

Виталий Семёнович писал: «В течение долгих лет он страдал неизлечимым хроническим насморком. <...> Болезнь Антона немного утихла к 7—8 годам. Но не исчезла окончательно. Даже в зрелые годы, уже в Крюкове, у него периодически появлялись то флюс, то ячмень, чтобы скрыть шрамы на шее от карбункулов, он всегда носил или очень высокие воротнички или русские рубашки (летом, после 1917 г.). Во всём этом был какой-то заколдованный круг: т.к. Антон легко простужался от малейшего сквозняка или холодного ветра, <...> его постоянно кутали в тёплую одежду, всякие шарфы и пр. — организм не закаливался, но делался всё более слабым и не способным на сопротивление, и Антон простужался даже, когда при нём открывали на минутку оконную форточку»¹⁶.

Напомним, что Антону было 7 лет, когда у него появился брат Виталий, поэтому свои воспоминания о страданиях болезненного Тося младший брат черпал из рассказов матери и старшей сестры Александры.

Чрезвычайно важную информацию о воспитании в родительской семье самого А.С. Макаренко мы находим в «Книге для родителей». В 6-й главе Антон Семёнович рассказывает

историю взросления четырёхлетнего Васи Назарова. В Васе угадываются черты самого Антона Макаренко. Свои детские ощущения о родителях он описывает с глубокой нежностью: «Васе повезло в жизни: <...> отец попался ему красивый — во всяком случае, Васе он очень нравится: глаза у него такие же, как и у Васи, — серые, спокойные, немножко насмешливые, а рот серьёзный и усы приятные: хорошо провести по ним одним пальцем, тогда каждый раз неожиданно обнаруживается, что они шелковистые и мягкие, а чуть отведёшь палец, они прыгают, как пружинки, и снова кажутся сердитыми и колючими. Мать у Васи тоже красивая, красивее, чем другие матери. У неё тёплые и нежные щеки и губы. Иногда она как будто хочет что-то Васе сказать, посмотрит на Васю, и губы её чуть-чуть шевельнутся. И не разберёшь, улыбнулась мать или не улыбнулась. В такие минуты жизнь кажется Васе в особенности прекрасной! Есть ещё в семье Назаровых Наташа, но ей только пять месяцев»¹⁷.

Поучителен ещё один эпизод из автобиографической 6-й главы «Книги для родителей». Приведём его с небольшими сокращениями.

«Надевать утром ботинки — самое трудное дело. Продеть шнурок в дырочку Вася умеет давно, но когда шнурок прошёл уже все дырочки, Вася видит, что получилось неладно. Вася переделывает, и, смотришь — получилось правильно. Тогда Вася с симпатией поглядывает на башмак и говорит матери:

— Завязавай!

Если дело сделано верно, мать завязывает, а если неверно, она говорит:

— Не так. Что же ты?

¹⁶ На разных берегах... Судьба братьев Макаренко // Сост. и коммент. Г. Хиллига. — М.: Издательский центр «Витязь», 1998. — С. 11–12.

¹⁷ Макаренко А.С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. — Т. 5. — М.: Педагогика, 1983–1986. — С. 105.

Вася бросает удивлённый взгляд на башмак и вдруг видит, что действительно не так. Он сжимает губы, смотрит на башмак сердито и снова принимается за работу. Спорить с матерью Васе не приходит в голову, он не знает, как это делается.

— Теперь так? Завязазай!

Мать становится на колени и завязывает, а Вася хитро посматривает на другой башмак и видит первую дырочку, в которую он сейчас наладит конец шнурка.

Умываться Вася умеет, умеет и зубы чистить, но и эти работы требуют массу энергии и пристального внимания. Сначала Вася измазывается мылом и зубным порошком до самого затылка, потом начинает создавать лодочку из маленьких неловких рук. Лодочку ему удаётся сделать, удаётся набрать в неё воды, но, пока он поднесёт лодочку к лицу, ладони выпрямятся раньше времени, и вода выливается на грудь и живот. <...>

Мать подходит, без лишних слов овладевает ручонками Васи, ласково, но сильно наклоняет его голову над чашкой умывальника и бесцеремонно действует на всей территории Васиной мордочки. Руки у матери тёплые, мягкие, пахучие, они сильно радуют Васю, всё же продолжает его беспокоить неосвоенная техника умывания. Из этого положения есть много оригинальных выходов: можно и покапризничать — по-мужски запротестовать: «Я сам!» Можно и молчанием обойти инцидент, но лучше всего засмеяться и, высвободившись из рук матери, весело поплёскивать на неё мокрыми глазами. В семье Назаровых последний способ самый употребительный, потому что люди они весёлые. Ведь капризы тоже не от Бога приходят, а добываются житейским опытом»¹⁸.

Вот такой мажорный стиль отношений был в семье Семёна Григорьевича и Татьяны Михайловны Макаренко.

В персонажах мужа и жены Тепловых из повести «Честь» тоже прослеживаются черты родителей. Интересно, что, изображая Василису

Петровну Теплову, Антон Семёнович отмечает её особенность выражать своё отношение к людям («говорить») губами, как это делала его мама. Читаем: «Василиса Петровна до сих пор сидела тихо, сложив руки на коленях, опустив глаза, только слабые движения сомкнутых губ выдавали одобрение или осуждение, которое она чувствовала по отношению к тому или другому оратору»¹⁹.

А.С. Макаренко описывает милый образ матери и сдержанный образ отца и в других своих произведениях. Так, в черновом варианте сюжетных линий незавершённого романа «Пути поколений» Антон Семёнович писал о матери главного героя: «Мать Бакурина, человек старого мира, со старыми привычками, но с хорошим рабочим инстинктом. Она многое осуждает в новом мире, всё ей кажется, что раньше было лучше, на самом же деле она более новый человек, чем другие, потому что в её требованиях к жизни всегда звучат именно новые требования».

По воспоминаниям брата Виталия (Вити, как звала его мама) и Галины Стахивны Салько (с 1935 г. — Макаренко), можно сказать, что Тося был необычным ребёнком. Приведём воспоминания Галины Стахивны — супруги А.С. Макаренко.

«Мать Антона Семёновича, Татьяна Михайловна, с которой я прожила несколько лет, была очень талантливой женщиной. Она до глубокой старости сохранила блестящую память, прекрасный дар рассказчицы и тонкий изящный украинский юмор. У неё была удивительно разумная, страстная материнская нежность к своим детям, так поэтично воспетая в украинских песнях, но женщина она была твёрдого характера, большой воли, и Семён Григорьевич почитал свою жену».

¹⁸ Макаренко А.С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. — Т. 5. — М.: Педагогика, 1983—1986. — С. 105—106.

¹⁹ Макаренко А.С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. — Т. 2. — М.: Педагогика, 1983—1986. — С. 436.

Далее Галина Стахивна привела слова матери о маленьком Антоне: «Интересный он у меня был: бегают, шалит с маленькой сестрой Наташей, в поводочке её водит, а потом сидит на скамеечке у ворот, а у нас улица травой поросла, поле близко, и лес, и речка, и долго-долго сидит один и смотрит. Очень рано выучился читать и с тех пор от книжки его не оторвать. Денег было у нас тогда мало, мы керосин берегли, отец потушит лампу, а Тося при луне читал. Несколько дней совсем не разговаривал, когда Наташа от кори умерла, а не плакал. А как подрос, всё с мальчишками компанию водил, напраказит, но смешно, весело. Я никогда отцу не жаловалась»²⁰.

А вот что писал Виталий Семёнович о брате. По его словам, Антон в детстве был очень неловок и неуклюж, а из-за своей сильной близорукости часто попадал в нелепые ситуации. И даже сам Виталий, ещё ребёнок, замечал, что старший брат сильно страдал от грубых шуток ребячьей компании. О Крюковском периоде жизни Антона брат Виталий писал: «Он стал более грустным, иногда оставался один в задумчивости и постепенно совершенно уходил от этих игр и этой компании. Одна Поля становилась на его защиту, возмущалась, по-матерински ухаживала за Антоном, когда он был ранен, и, безусловно, позднейшая идиллия и любовь выросли на этой почве»²¹.

Действительно, семнадцатилетний Антон Семёнович хотел жениться на Полине — дочке хозяина дома, в котором семья Макаренко снимала квартиру. Однако семья не приветствовала этот ранний брак.

«Семья наша, — писал далее Виталий Семёнович, — была патриархальной, как и большинство семей в эту эпоху. К родителям мы

обращались на “Вы”, но руки после обеда целовал только я. Попов не любили, но в главной комнате висела в углу икона, и перед ней накануне воскресных и праздничных дней зажигалась лампада. Отец каждое утро и каждый вечер совершал перед иконой короткую молитву. В Белополье он даже был церковным старостой.

Характеры у родителей были разные, но спокойные и у отца, и у матери. Мама была шутница, вся пронизанная украинским юмором, подмечавшим у людей смешные стороны»²².

Несмотря на все тяготы и трагедии, можно заключить, что атмосфера в семье Семёна Григорьевича Макаренко была здоровой, дружной. Глава семьи был человеком строгим, неподкупным, добросовестным, прямым, требовательным, к людям относился с уважением. Эти качества воспитывал в своих детях собственным примером.

На работе к нему относились с уважением. Уже в Крюкове сослуживцам надолго запомнилась речь С.Г. Макаренко, обращённая к ним:

«Теперь я расскажу о себе: меня назначили к вам старшим мастером. Сам я цеховой рабочий из Харькова. Малярству я учился у своего отца. Отец красил кареты и меня этому научил, малярное дело знаю и, кто захочет из вас, — научу. Только нужно работать честно и дружно, помогать друг другу, ошибки поправлять, а правду всегда в глаза резать, она должна жить между нами!

Со своей стороны обещаю за всех вас одинаково беспокоиться. Заработок у вас увеличится, мы не только не будем задерживать вагоны, а наоборот — нас не будут в состоянии загрузить, а работать и жить нужно дружно. Человеку на свете веселее живётся в дружбе, а самое главное — у нас должна быть дисциплина,

²⁰ РГАЛИ, ф. 332, оп.4, ед. хр. 487, л. 9. Макаренко Г.С. Биографические очерки и статьи (1940–1958).

²¹ На разных берегах... Судьба братьев Макаренко // Сост. и коммент. Г. Хиллига. — М.: Издательский центр «Витязь», 1998. — С. 20–21.

²² Там же, с. 29.

одинаковая для всех. В этом отношении я постараюсь давать вам пример»²³.

Вот на таких общечеловеческих ценностях и воспитывался Антон Макаренко.

Следует особо отметить, что в 1895 г. в семье С.Г. Макаренко происходят два важных события: появляется на свет второй сын — Виталий, совершенно здоровый малыш, а старший сын Антон в свои 7 лет поступает в двухклассное начальное железнодорожное училище в Белополье. Курс был, как и у всех двухклассных училищ того времени, 5 лет.

2. Начальное железнодорожное училище в Белополье

Что мы знаем о годах учёбы Антона в училище? К сожалению, очень мало. Обратимся к редким источникам.

1 октября 1895 г. Антона записали в ученики. Заведующий Яков Семёнович Стефанов долго не соглашался принять слишком маленького мальчика, но, послушав, как он читает и разумно, уверенно отвечает на вопросы, записал его в первый класс.

М.К. Белодед писал: «Радости мальчика не было конца. Однако через несколько дней Семён Григорьевич заметил, что Антоша почему-то загрустил. На вопрос: “Ну как дела, сынок?” — Антон расплакался. Выяснилось, что мальчика в школе “не учат читать большие книги”, которые читает отец, а заставляют писать какие-то палочки. Отец убедил Антошу, что так и должно быть. Мальчик постепенно успокоился»²⁴.

А.С. Макаренко с благодарностью вспоминал своего первого учителя Константина Максимовича Сальникова, крестьянского происхождения, что было в те годы редкостью для учителя. В своей неопубликованной рукописи М.К. Белодед писал:

«С первых дней занятий учитель внушил всем ученикам, что все задания учителя — это такая почётная и необходимая задача ученика,

что её каждый обязан выполнить как можно лучше. И это сознание прочно вошло в умы детей. Учитель не кричал, не бил, но был особенно требовательным. Мог так объяснить (это же для их пользы), что дети всегда охотно выполняли все задания. Самые лучшие успехи — у Антона. <...> В 3 классе — строевая подготовка. Маршировка во всех классах. Антоша стал более подтянутым, и походка у него изменилась. После школы, пообедав, час ходил, прогуливался возле двора своей квартиры, с горки было видно и станцию и мастерские. Наблюдал и мечтал. Уроки — 2—3 часа. Выполнял до тех пор, пока не получалось отлично. Его чистые тетради, с правильным и красивым почерком, всегда были примером для других учеников. В поведении Антоша всему старался подражать своему учителю, так делали все ученики. Учитель воспитывал уважение к порядку... Главным трудом для учеников было ученье, но, кроме того, учитель развернул работу на опытных участках при школе. После того, как были отведены участки каждому классу, ученики класса должны были делиться на артели... С весны до осени работали над выращиванием одной культуры (картошка, морковь, капуста, помидоры и т.д.). Ученик всё должен знать и уметь, подготовить почву и семена для посадки, посадить по всем правилам, удобрять и поливать, пропалывать, собрать урожай. Обо всём этом вести запись... Больше того, от них требовали, чтобы каждый из них имел подобные участки дома. Антоша имел помидоры...

Уже с детства он был большой мечтатель. Бывало, вечером полёт свой огород, упорядочит грядки, сядет с Шурой возле него и начинает Шуре рассказывать, что необходимо растению для того, чтобы оно дало хорошие плоды. И всегда говорил, что, мол, выучусь работать на маленьком поле, а когда вырасту, буду умело делать все эти работы на большом-большом поле, а работать на большом поле Антоша собирался артельно.

²³ РГАЛИ, ф. 332, оп.4, ед.хр. 442, л. 42—52.

²⁴ Там же.

Как-то у него получалось так, что каждое его физическое или интеллектуальное усилие имело большую и сильную перспективу, он ею жил, увлекал на это своих товарищей. Его детскую душу увлекали такие перспективы. Научишься хорошо и быстро читать — будешь читать большие и хорошие книги. А книги — разум и радость. Научишься хорошо писать — будешь писать хорошие письма отцу-матери, друзьям, записывать необходимые дела.

Все усилия имели конкретную цель, все старания его были перспективны. Это воспитывалось в Антоне в удивительно смелом сочетании в школе и семье.

Со 2-ой половины 3-го класса Константин Васильевич предложил некоторым ученикам принять участие в хоре. Антон пел почти дискантом. Учитель заметил незаурядный слух и предложил приобрести скрипку, пообещал научить на ней играть. Отец купил.

Этот жизненный принцип — всему учиться и всё делать отлично — дал свои положительные результаты»²⁵.

О школьных годах Антона Семёновича вспоминает Иван Чернышов, младший брат которого Вася был самым большим другом детства Виталия Макаренко. Виталий Семёнович так писал о Васе и его родительской семье:

«Мы вместе окончили железнодорожное училище в 1908 г. и в том же году поступили во 2-й класс реального училища... Вся семья была на редкость патриархальной и дружной. Из всех наших знакомых это были наши самые большие друзья. Г-жа Чернышова была моей крёстной матерью»²⁶.

В 1989 г. Иван Чернышов вместе со своими одноклассниками Белопольского трёхклассно-

го железнодорожного училища участвовал в школьной репетиции к рождественской ёлке. Антон Макаренко, как отличник старшего 4-го отделения, помогал ученикам младших отделений разучивать литературные произведения, рекомендованные учителями.

Иван Чернышов вспоминал: «Антон Семёнович начал мне симпатизировать, очевидно, потому что я неплохо декламировал литературные произведения, которые он со мной прорабатывал. Ёлка прошла блестяще. Меня хвалили за хорошее исполнение, а Антона Семёновича, как моего руководителя, учителя хвалили за умелое руководство по разучиванию стихотворений, басен и других литературных произведений. После вечера мы с ним встречались у него на дому и у меня. Ещё со мной приходили к нему товарищи. Играли в различные игры. <...> Часто он нас собирал у себя дома и читал нам произведения Гоголя, Пушкина и журнал “Родина”. Он развил во мне любовь к книгам и рисованию.

Отец его, Семён Григорьевич — маляр — умел рисовать, или, как наши отцы говорили, “писать”. Я вспоминаю, как однажды Антон Семёнович и я приготовленные отцом его краски для какой-то работы вытащили для своих рисунков, за что его и меня, конечно, по головке не погладили. Мы никогда с ним не ссорились. Начали у нас пробуждаться и музыкальные наклонности. Правда, Антон Семёнович любил больше слушать, а я был исполнителем хоровых музыкальных произведений. Особенно он любил русские народные песни, которые исполнял нам училищный хор, а также и хоровые произведения П.И. Чайковского. Особенно ему нравились “Соловушка” и “Был у Христа младенца сад”»²⁷.

Итак, из Белополья в Крюков переехали семьи Макаренко и Чернышова. Сестра Наташа умерла от тяжёлой болезни перед самым отъездом семьи Макаренко.

²⁵ РГАЛИ, ф. 332, оп.4, ед.хр. 442, л. 42–52.

²⁶ На разных берегах... Судьба братьев Макаренко // Сост. и коммент. Г. Хиллига. — М.: Издательский центр «Витязь», 1998. — С. 120.

²⁷ РГАЛИ.Ф. 332, оп. 1, ед. хр. 61, л. 56, л. 56 об.

Несомненно, Белополье, где прошли первые тринадцать лет жизни Антона Макаренко, оказало большое влияние на формирование его характера.

3. Кременчугское высшее начальное железнодорожное училище

Крюков занимает особое место в жизни А.С. Макаренко: здесь прошли его подростковые и юношеские годы, здесь в 17 лет он начал учительствовать, здесь в 1917–1919 гг. руководил училищем.

Вопрос о том, когда семья Макаренко переехала в Крюков — в 1900 или в 1901 г., остаётся загадочным. По свидетельству Виталия, переезд произошёл рано утром в начале декабря 1900 г. Библиографы же утверждают, что семья переехала в январе или летом 1901 г., так как в январе 1901 г. в Крюкове открылись новые вагонные мастерские, и Семёна Григорьевича перевели туда старшим маляром.

Можно предположить, что Семён Григорьевич уехал один по месту назначения в 1900 г. 1 марта 1901 г. (по старому стилю) Антону исполнилось 13 лет, летом он с отличием окончил Белопольское училище, и только тогда к отцу переезжает семья: жена и трое детей.

Для матери, писал Виталий Семёнович, «было отрадно, что семья вернулась в её родной город Крюков, где жили её родители, родные, где родилась старшая дочь Шура (Александра)»²⁸. В 1902 г. Александра вышла замуж и уехала с мужем на станцию Знаменка в 85 км от Крюкова. В Крюкове в семье росли и воспитывались два сына: старший Антон и младший Виталий с разницей в возрасте — 7 лет.

В письме к сотрудникам лаборатории «Макаренко-реферат» (Марбург) от 14 августа 1973 г. Виталий Семёнович сообщал: «Насколько я помню, Антон поступил сразу во 2-й класс Кременчугского училища в 1901 г. и, следовательно, начал учение в августе этого года. В Крюкове он ни в каком

училище не был. Впрочем, Крюковское железнодорожное училище открылось не раньше 1904 г., а скорее в 1905 г. Если бы это училище существовало в 1903 г., то я поступил бы в него, а не в городское училище (одноклассное)»²⁹.

Виталий Семёнович в своих воспоминаниях много страниц посвящает Крюкову. Он писал: «В Крюкове было 10 тысяч жителей, находился он на правом берегу широкого Днепра, напротив Кременчуга, с которым его соединял большой мост (1 км). Кременчуг же был большим торговым центром (79 тысяч жителей), очень оживлённым, благоустроенным, с множеством хороших магазинов, театров, кинематографов, и даже был электрический трамвай»³⁰.

В письме марбургским макаренковедам от 11 февраля 1980 г. Виталий Семёнович писал: «Крюков всегда был под угрозой наводнения. Особенно сильное наводнение было в 1917 г., когда весь Крюков был под водой, кроме железнодорожного полотна и вокзала. Наш дом был залит под самую крышу. В другие годы приходилось бороться с переменным успехом, и только уже при большевиках была построена постоянная, фундаментальная дамба, раз и навсегда избавившая Крюков от этой опасности»³¹.

В другом письме (от 2 мая 1980 г.) Виталий сообщал: «На украинском языке никто не говорил ни в Крюкове, ни в Кременчуге, ни во всей Украине, даже при гетмане, даже при Петлюре, и почти никто не говорит теперь...

За всю мою жизнь в России я не держал в руках ни одной украинской книги, да и Антон не держал»³².

²⁸ На разных берегах... Судьба братьев Макаренко // Сост. и коммент. Г. Хиллига. — М.: Издательский центр «Витязь», 1998. — 384 с., илл.

²⁹ Там же, с. 116.

³⁰ Там же, с. 16.

³¹ Там же, с. 166.

³² Там же.

Виталий Семёнович привёл ценные сведения о том, какое влияние на братьев оказала культурная жизнь Кременчуга. Читаем:

«Кременчуг, несмотря на то, что он был только уездным городом, был гораздо культурней и оживлённей губернского города Полтавы. Не говоря уже о том, что в Кременчуге имелся постоянный театр (драматический), театр оперетты, театр миниатюры, позже открылись 4—5 шикарных кинематографов, имелась прекрасная аудитория, — Кременчуг постоянно посещался гастролёрами: даже такие артисты, как Шаляпин, Анна Павлова, Орленев, Ян Кубелик, Бронислав Губерман, Баттистини, всегда посещали Кременчуг, иногда приезжали Киевская или Харьковская опера, 2 раза в год приезжал симфонический оркестр Ахшарумова, струнный оркестр Андреева и многие другие.

Я даже помню программу первого симфонического концерта, на который мы попали с Антоном в 1903 г. Антону было 15 лет, а мне только 8. Для меня это было рановато. Но Антон в таких ярких красках описал преимущество симфонического оркестра перед духовым, что я долго и нудно ревел, но всё же выплакал у папы согласие. Мы почти первыми пришли в театр и, Боже, с каким благоговением и восторгом прослушали “Стеньку Разина” Глазунова, “Пер Гюнт” Грига, 40-ю симфонию Моцарта и 4-ю симфонию Шумана.

Я тогда же дал слово, что стану скрипачом. И, действительно, в 1907 г. я купил свою первую скрипку. Кубелика из меня, конечно, не получилось, но я играл достаточно прилично для того, чтобы в первые годы эмиграции, сначала в Константинополе, потом в Париже, зарабатывать на жизнь игрой в ресторанах, кинематографах, на балах и вечеринках.

Кременчуг был очень оживлённым торговым городом. В нём квартировали два пехотных

полка и артиллерийская бригада. Было три средних учебных заведения»³³.

В Крюкове семья Макаренко также снимала квартиру. Виталий Семёнович писал:

«В Крюкове мы поселились сначала в доме Лосева. Это был очень старый домик, в конце длинного грязного переулочка, с огромным запущенным садом, полным черёмухи, сирени и шиповника. Этот сад тянулся до самой Екатеринославской улицы. С другой стороны переулочка высокий, мрачный, деревянный забор отделял нас от чугуно-литейного завода Лабинского. В доме было всего две комнаты и кухня. А за домом начинался огромный заливной луг, тянувшийся до самого Днепра, весь заросший незабудками и лютиками, где в небольших озёрках, оставшихся после весеннего разлива, сновали чёрные головостики и стайки крошечных тройных рыбёшек.

Мы прожили в этом доме недолго. Помню, что весной Днепр доходил почти до нашего дома — он разливался на 10 километров.

Через несколько месяцев мы перебрались к Мионову, где прожили с 1901 по 1905 год»³⁴.

О доме Мионова Виталий вспоминал с восхищением:

«Дом Мионовых! Ещё в большей степени, чем до Скальковского в Белополье, дом Мионова был настоящей республикой в Крюковском государстве, целым миром. Но какой некультурный, тёмный, отсталый, мещанский, до ужаса серый и скучный мир.

Мионов был разбогатевший мужик-подрядчик, скупой, жадный, весь заросший бородой, которая у него начиналась сразу

³³ На разных берегах... Судьба братьев Макаренко // Сост. и коммент. Г. Хиллига. — М.: Издательский центр «Витязь», 1998. — С. 17.

³⁴ Там же, с. 17—18.

же под глазами и росла даже в ушах и в носу. У него было душ 10 детей от мала до велика. Старшая была Пелагея — Поля. В то время ей было лет 15–16... Это была та самая Поля, на которой Антон хотел жениться в 1905–1906 гг.

У Миронова было 7 или 8 квартир, из них самую большую занимали мы (3 комнаты и кухня). Поэтому во дворе была целая толпа детей, тут же бродили куры, утки, гуси, индейки, поросята. Жили примитивно. Улица была просто песчаной, не было ни водопровода, ни канализации. Воду привозил из Днепра водовоз — по 1 коп. за ведро. <...>

Работали, много ели, много спали, никто ничего не читал, и я никогда ни у кого не видел газеты. (У нас газета была каждый день, так как отец выписывал газету “Биржевые Ведомости” и иллюстрированный журнал “Нива”.) От скуки рожали детей, сплетничали, ссорились, мирись... потом начинали снова. По праздникам и воскресным дням много пили, и в соседней Костроме дрались на ножах... иногда убивали... Но надо отдать должное: при такой дикости жили честно — не было ни воровства, ни грабежей. Было много нищих, бродяг, старцев, подозрительных “монахов” с красными носами, гадалок, итальянцев с “Петрушкой”, татар буазеев, китайцев с чесучей...

А с другой стороны двора, за забором, начинались “кучугуры”, описанные Антоном в “Книге для родителей”. Чистейший песок, насколько хватал глаз, поросший лозой, кустами молочая, бессмертником и целыми коврами некрасивого, но такого ароматного чабреца. Целые табуны кузнечиков и сколько, сколько изящных быстрых и грациозных ящериц³⁵.

В 1904 г. началась Японская война. Почти два года мастерские, где работал Семён Григорьевич, работали в две смены по 12 часов — выпускали санитарные поезда. Повышенная в два раза зарплата позволила скопить немного денег. «Я не помню точно, — вспоминал Виталий Макаренко, — в каком году (скорее всего, в 1905) отец купил один из участков,

которые продавались у линии железной дороги, недалеко от еврейского кладбища. Всего участок был около 800 м². Дом, сарай, заборы — всё было построено и очень быстро, в 3–4 летних месяца. Часть земли отец отвёл для сада, и мы насадили в нём вишни и другие фруктовые деревья. Во дворе устроили артезианский колодец (насос), и у нас была своя собственная, всегда холодная, великолепная вода. И вот здесь впервые отец заметил, как мало Антон интересовался нашим домом: он никогда не был на постройке»³⁶.

Виталий Семёнович свидетельствовал, что видел брата постоянно с какой-нибудь книгой, домой он приходил поздно и читал до поздней ночи. Антон «обладал колоссальной памятью, и его способность ассимиляции была, прямо, неограниченна»³⁷.

Следует сказать о преподавателе словесности Григории Петровиче Каминском, которого А.С. Макаренко изобразил в образе Мефодия Васильевича Нестерова в небольшом рассказе «Преподаватель словесности». Показан урок Г.П. Каминского, посвящённый «Слову о полку Игореве». Антон Семёнович начинает повествование словами:

«С юношеских наших дней отдельная, какая-то особенная, светлая и тревожная память осталась о “Слове”. Существовал некий “законный” Парнас: русская литература в нашем представлении началась с конца XVII в., а до того — многовековое однообразное протяжение несчастья, нищеты и косноязычия. И вдруг вспоминали о “Слове”, вспоминали с неожиданным, непонятным удивлением, с необъяснимой теплотой и благодарностью неведомому, чудесному поэту, полному страсти и очарования, искренности и красоты, мужества и торжественности.

³⁵ На разных берегах... Судьба братьев Макаренко // Сост. и коммент. Г. Хиллига. — М.: Издательский центр «Витязь», 1998. — С. 18–19.

³⁶ Там же, с. 23.

³⁷ Там же, с. 31.

Собственно говоря, в то время мы не могли различить, объясняется наше впечатление могучей силой самого “Слова” или силою души Мефодия Васильевича Нестерова, нашего преподавателя словесности»³⁸.

Этот урок навсегда остался в памяти Антона Макаренко. Об учителе он с любовью пишет в рассказе:

«Был это преклонных лет человек, блестел лысиной и серебром в бороде, и борода у него была спутанная, милая, стариковская. Но отличался он от всех преподавателей удивительным выражением достоинства и человеческой простоты, и мы любили в нём это выражение и прощали старику и строгий взгляд поверх очков и суровость требований.

Доходили до нас слухи о тяжёлой и неудачной его карьере, об одиноком его учительском демократизме, но сам он никогда о себе не говорил. Мы в то время ещё не вполне ясно различали за его фигурой великие тени революционных демократов, страстных патриотов своей родины, Чернышевского, Добролюбова, Некрасова.

Старик читал всегда, стоя за кафедрой, предпочитал простую, точную речь, в которой редко встречалось открытое горячее слово. Но зато в его мимике было столько эмоций и правды, столько ума, то восхищённого, то осуждающего, то сомневающегося, столько сдерживаемой силы души, что мы неспособны были оторваться от его лица. Читая нам, он сам жил горячо и глубоко, хотя и не хотел показывать нам эту свою настоящую человеческую жизнь. Не хотел почему-то показывать и сдерживался, может быть, ещё и потому, что уже сорок лет читал он литературу юношам, и уже неловко было ему волноваться перед ними»³⁹.

³⁸ Макаренко А.С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. — Т. 6. — М.: Педагогика, 1983—1986. — С. 349.

³⁹ Там же, с. 349—350.

Впечатлительный ученик Антон Макаренко навсегда запомнил этого преподавателя словесности. Два раза преподаватель плакал во время лекции: речь шла о «Песне про купца Калашникова», «но тогда он плакал скромно и старался показать, будто у него глаз засорился. А передавая “Слово о полку Игореве”, он плакал свободно и доверчиво, и мы одновременно преклонились и перед его стариковской слезой, и перед силой “Слова”. Он умел так рассказывать о нём, что его слёзы глубоко волновали нас»⁴⁰.

Этот рассказ Антон Семёнович написал в конце своей жизни, а опубликован он был только 30 марта 1940 г. в 18-м номере «Литературной газеты». Для современных учителей этот рассказ является выдающимся образцом воспитания у школьников патриотизма и любви к своей Отчизне. Вот как описывает А.С. Макаренко этот урок:

«Начинал говорить о “Слове” Мефодий Васильевич неожиданными словами:

— Мы с вами уважаем гражданскую литературу, такую литературу, когда к нам обращается не только поэт, но и гражданин, когда он зовёт нас, волнует, побуждает к действию... Представьте себе, такой поэт, великий поэт, страстный, настойчивый, жил в XII в. и оставил нам свой горячий призыв, призыв гражданина! Юноши, если кто-нибудь когда-нибудь перед вами начнёт поносить гражданскую поэзию, напомним ему “Слово о полку Игореве”. Впрочем, давайте читать.

Он поправлял очки, подносил книгу к близоруким глазам и, уже волнуясь, приступал к чтению. Читал он просто, без приёмов декламаторских, но он умел незаметно вложить в каждое слово столько чувства, такую убеждённость, что древнее слово неожиданно хватало за сердце.

⁴⁰ Там же, с. 350.

“А мои ведь курыне опытные витязи: под трубами повиты, под шлемами укачаны, концом копья вскормлены; дороги им известны, овраги им знакомы; луки у них натянуты, колчаны открыты, сабли отточены...”

Мефодий Васильевич опускал книжку, смотрел на нас строго поверх очков и говорил глухо, сберегая старые силы:

— Видите, были люди, доблестные люди, сильные, воспитанные для борьбы... Юноши, эти люди были мужественны, и они знали, что за ними стоит русская земля. Знали, семь веков назад знали, знали, может быть, не хуже, чем мы с вами. Смотрите, как они умирали.

Он читал дальше:

“С утра до вечера, с вечера до рассвета летят стрелы калёные, гремят сабли о шлемы, трещат копья харалужные...”

...На третий день к полудню пали стяги Игоревы!”

Читая это, старик уже плакал, плакал странно: в его голосе не было слышно слёз, они сбегали из-под очков и терялись в спутанной седой бороде.

Он снова опускал книгу, снова смотрел на нас, и мы не могли оторваться от его лица. Он спрашивал у нас сурово, как будто и мы виноваты в чём-то:

— Отчего? Отчего погибли эти доблестные сильные люди, любящие свою русскую землю?

Так же сурово, с неотразимым осуждением, он читал дальше: “...ибо говорил брату: “Это моё и то моё же””.

“Не победоносным ли брежьем себе волости вы расхитили? К чему ваши золотые шлемы и копья польские и щиты?!”

Старик уставал от горя и сдержанности, он опускал голову и говорил тихо:

— Юноши! Много страдания у этого поэта. Это было трудно видеть, как погибает русская

земля, как погибают доблестные люди от эгоизма, от жадности, от разделения: “Это моё и то моё же”. Так погибала красивая, богатая, мужественная Русь. Может быть, и сам поэт погиб где-нибудь в Половецких степях.

Он отдыхал снова, потом говорил сухо и спокойно последние слова:

— Видите: более семисот лет тому назад так сильно, с убеждением, с чувством поэты призывали русских людей к единодушию, к защите родины. А против них стояли не только половцы, стояли и свои хищники, грабители, насильники — Гориславичи и другие. Видите? Ну вот. Вы всё поняли? Вы поняли, как это было?

Мы отвечали ему, преодолевая волнение:

— Поняли, Мефодий Васильевич! Спасибо вам. — Тогда он улыбался просто, по-домашнему:

— Ну и хорошо. Я так и думал, что вы поймёте, юноши!»⁴¹

По окончании Кременчугского училища Антон Макаренко получает аттестат следующего содержания:

«Представитель сего Макаренко, Антон Семёнович, сын цехового города Харькова, православного вероисповедания, родившийся 1 марта 1888 г., обучался с 1901 по 1904 год и окончил полный курс учения в Кременчугском 4-классном городском училище.

При отличном поведении оказал успехи:

по Закону Божью — отлично — 5,
по русскому и церковнославянскому языку — отлично — 5,
по арифметике — отлично — 5,

⁴¹ Макаренко А.С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. — Т. 6. — М.: Педагогика, 1983–1986. — С. 350–351.

по геометрии — отлично — 5,
по естествознанию и физике —
отлично — 5,
по истории — отлично — 5,
по географии — отлично — 5,
по чистописанию — отлично — 5,
по черчению и рисованию — отлично — 5,

и, сверх того, обучался пению, гимнастике и предметам дополнительным, а потому он, Макаренко Антоний Семёнович, на основании ст. 39 Высочайше утверждённого 31 мая 1872 г. Положения о городских училищах, при производстве в первый классный чин, если он, на основании существующих узаконений, имеет права вступить в государственную службу, освобождается от установленного для сего испытания на основании ст. 64 пункта 2-го устава о воинской повинности, пользуется льготой, предоставленной 3-му разряду по образованию.

Кременчуг, июня 4 дня 1904 г.»⁴².

Через год (в 1905 г.) А.С. Макаренко заканчивает Педагогические курсы при Кременчугском городском 4-классном училище. Он был «удостоен звания учителя начальных училищ с правом преподавания в сельских 2-классных училищах Министерства народного просвещения и обучения церковного пения»⁴³.

Начинается новая страница жизни Антона Семёновича Макаренко — учителя начальных классов дореволюционных училищ. **НО**

(Продолжение следует)

⁴² Макаренко А.С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. — Т. 8. — М.: Педагогика, 1983—1986. — С. 116—117.

⁴³ Там же, с. 117.

A.S. Makarenko — Teacher Of The Pre-Revolutionary Elementary School

Svetlana S. Nevskaya, Leading Researcher at the Institute of Educational Development Strategy of the Russian Academy of Education (RAO), Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Moscow, nevskajasweta@yandex.ru

Abstract: The article deals with the problem of preschool (family) and school mental, moral and labor education. On the example of the pre-revolutionary life of Anton Semenovitch Makarenko, such important problems as family relations between parents and children, childhood friendship with peers, pedagogical skills of teachers of the pre-revolutionary school, intellectual and moral maturation of a young person are revealed.

Keywords: development of creative abilities and work skills in the family and primary school, the personality of the teacher of the pre-revolutionary school, the relationship of children and adults in the family and school.

Spisok ispol'zovannykh istochnikov

1. Pedagogika. Kurs lekcij // Pod obshchred. G.I. Shchukinoj (otv. red), E.Ya. Golanta, K.D. Radinoj. — М.: Prosveshchenie, 1966. — С. 121.
2. Rokushfalvi P. Chelovecheskie osnovy pedagogicheskoy tekhnologii Makarenko (psihologicheskoe i antropologicheskoe obosnovanie pedagogiki) // Mezhdunarodnye makarenkovedcheskie issledovaniya. Makarenko na Vostoke i Zapade / Pod red. Z. Vajta (Marburg, Germaniya) i A. Frolov (N. Novgorod, Rossiya). — Т. III. — 1994. — С. 9.
3. Makarenko A.S. Pedagogicheskie sochineniya: V 8-mi t. — М.: Pedagogika, 1983—1986.
4. Na raznyh beregah... Sud'ba brat'ev Makarenko // Sost. i komment. G. Hilliga. — М.: Izdatel'skij centr "Vityaz", 1998.
5. RGALI, f. 332, op. 4, ed. hr. 1094.
6. RGALI, f. 332, op.4, ed. hr. 487, l. 9. Makarenko G.S. Biograficheskie ocherki i stat'i (1940—1958).
7. RGALI, f. 332, op.4, ed. hr. 442, l. 42—52.
8. RGALI. f. 332, op. 1, ed. hr. 61, l. 56, l. 56 ob.

Невская С.С. А.С. Макаренко — учитель дореволюционной начальной школы // Народное образование. 2022. № 1 (1490). С. 193—208.

Nevskaya S.S. A.S. Makarenko is a teacher of the pre-revolutionary elementary school // Public education. 2022. No. 1 (1490). pp. 193—208.

DOI — [https://doi.org/10.52422/0130-6928-2022-1\(1490\)-193-208](https://doi.org/10.52422/0130-6928-2022-1(1490)-193-208)